Андрей РАСТОРГУЕВ

О ВЕКОВЫХ ОБИДАХ

и о том, как подняться над ними во имя общей судьбы, побуждает размышлять историческая проза Владимира Тимина

Тимин В.В. Мальчик из Перми Вычегодской: Историческая повесть для детей. Перевод с коми Е. Габовой. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001.

Когда в 2002 году на концерте, посвящённом своему 70-летию, народный поэт Республики Коми Геннадий Юшков (1932-2009) прочёл стихи, в которых, подводя некоторые жизненные итоги, с гордостью заявил, что не стал русским, я поначалу слегка обиделся. Что, стать русским так уж зазорно? А потом вдруг пришло другое, более спокойное объяснение: просто, одинаково ощущая свою связь с родовыми корнями, мы по-разному высказываем это ощущение.

В русском языке слово, обозначающее людей иного народа, – ну, скажем, «инородец» – ни к какой национальности конкретно не относится. Для коми же, видимо, самое яркое обозначение понятия «не-коми» – русский. И оно тоже нейтрально. Просто именно русские веками были в Коми крае наиболее многочисленными не-коми. Ведь воистину многонациональным этот край стал лишь в прошлом, XX столетии.

Чувство некоей национальной обиды увиделось мне поначалу и в исторической повести «Мальчик из Перми Вычегодской», которая принадлежит перу другого коми классика – Владимира Тимина. Вышедшая отдельной книгой в Коми книжном издательстве в 2000 году на коми языке и в 2001 году на русском, она описывает события 1471-1472 годов, связанные с вооружённым присоединением к Московскому государству Перми Великой, которую населяли предки нынешних коми-пермяков, как известно, наиболее близких коми-зырянам по языку и укладу жизни.

Именно разгром великопермских городов – Изкара, Покчи и Чердыни – московской ратью под началом воевод Федора Пестрого и Гаврилы Нелидова является кульминацией приключений главного героя

повести, пятнадцатилетнего мальчика Тикэ. Из родной Усть-Выми, почти веком ранее крещённой Стефаном Пермским, он, пройдя через вогульский плен, попадает в Чердынь, а потом – и в Москву, по пути побывав еще и в руках ордынских татар.

С явным сожалением вздыхает автор в предисловии о том баснословном времени, когда «простые люди Перми Вычегодской жили своей жизнью… Никто ещё над ними не властвовал, жили, как хотели…» Устами великопермского князя Микала оспаривает предание о том, что Стефан склонил вычегодских пермян ко Христу в одиночку и только любовью: «…на самом деле их взяли силой…» И одним лишь плачем – «Пермь Великая, где ты? Что тебя ждет?» – тот же Микал отвечает на призыв, вложенный в уста великого князя Московского Ивана Третьего: «О пролитой крови напоминать не надо. Через многие-многие годы о ней забудут и пермяне, и вогулы, и другие народы… На силу опираться – да, нужно, иначе не удержаться в мире, но я рассчитываю и на разум… Умный человек, ты понимаешь, обратного пути для вас нет…»

Попытка автора взглянуть на те далекие исторические события с позиции «побеждённой» стороны – фактически первая в коми литературе, благодаря переводу известной детской писательницы Елены Габовой дошедшая до русского читателя и позволяющая ему прочувствовать и понять её. А всё, что необычно, вызывает интерес, подкрепляемый и увлекательностью сюжета, и прекрасным художественным уровнем издания.

На этом бы в нынешние рыночные времена, когда как раз привлекательность книжки считается главным её достоинством, можно было бы и остановиться. Однако вопреки приведённым выше словам через пять с лишним столетий напоминая о пролитой крови, автор взваливает на себя весомую ответственность. Да ещё перед детьми, которым адресована книга. Да ещё во времена, когда будущее России, созданной веками ценою многих и многих жертв, а ныне утратившей былое значение, снова и снова ставится под вопрос происходящими в ней и в мире событиями.

«…один враждует он – зачем?» – задумывался о природе человека русский поэт Михаил Лермонтов, вспоминая кровавый бой при чеченском селении Валерик. Тем же вопросом задаётся по воле автора зырянский подросток Тикэ, вдруг поняв: «…а ведь вогулы такой же народ, как и коми. Радуются, горюют… Пасут оленей, охотятся,

собирают ягоды, строят жилища… Разве плохо? Вот и жили бы так. Зачем в чужие земли ходить? Зачем людскую кровь проливать?» А в московском войске, уходящем от сожжённой Чердыни, главный герой встречает земляка-зырянина из Пыраса, что был на месте нынешнего Котласа. А в плен к татарам и вовсе попадает как московит.

Та же чудовищная несообразность, многомерность мироустройства – в спокойной беседе, которую ведут князь Микал и посланец воеводы Гаврилы Нелидова, присланный в последней попытке убедить чердынцев «доброй волей перейти под руку Ивана III». Сегодня – застольный разговор, завтра – беспощадное сражение…

«Таковы законы цивилизации – города, как и народы, поднимаются и опять падают, иногда даже совсем погибают перед более сильными городами и народами…», – смиряется с неизбежным, завершая послесловие, автор. С веками и впрямь не поспоришь. Но мы-то живём и книги читаем здесь и сейчас. И что осядет в нас, когда перевернём последнюю страницу? Бессилие перед поступью истории? Национальная или провинциальная обида на Москву, которая уже тогда, полтысячелетия назад «протянула руки к мягкому золоту Перми»?

«…жили они уже в разных местах. Кто-то устроился ближе к Москве, кто-то – к Твери, кто-то обосновался возле Пскова. Позже некоторые стали дворянами, – с тихой печалью сообщает автор о судьбе потомков Тикэ и детей князя Микала. – Изредка наезжали в Чердынь, но вот дети детей о Перми уже не помнили. Строили свою жизнь по-русски и забыли о своих корнях...»

Значит, не пропали. Значит, как и потомки многих других народов, служили одной общей большой Родине, вместе со всеми соотечественниками переживая все её нескончаемые смуты. Значит, и нам той же дорогою идти надлежит. А что корни, язык, культуру своего народа беречь надо – кто же спорит? Только и здесь мы давно в одной лодке. На всех нас нынче от востока, юга и заката напирают…

2002 г.